

Ю.В. Гришанова

ПЕРЕПЕВЫ КАК ЖАНР ПОЭЗИИ В.С. КУРОЧКИНА

В ряду исследователей Курочкина первое место, бесспорно, принадлежит И.Г. Ямпольскому. Им подготовлено вышедшее в Большой серии «Библиотеки поэта» наиболее полное из всех существующих собрание стихотворений Курочкина (1), однотомник, включающий как его поэтические стихи и переводы, так и прозу. Курочкину принадлежит центральное место в двухтомном издании «Поэты “Искры”», также выпущенное в Большой серии «Библиотеки поэта» и также со статьей и примечаниями Ямпольского. Своего рода продолжением этой книги можно считать его монографию, посвященную сатирической журналистике 1860-х годов. В известном смысле итоговой стала его статья о Курочкине, вошедшая в сборник «Середина века» (2), об отдельных публикациях по относительно частным вопросам и говорить нечего. Естественно, суждения Ямпольского о Курочкине заслуживают особого внимания.

Приведем одно из них, которое станет исходной точкой данной работы: «Пародия всегда связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя <...>. В отличие от пародий, это явление можно условно назвать “перепевом”, разумеется, не в обычном смысле, не в смысле подражания. Таких “перепевов” у Курочкина очень много, и они имеют весьма разнообразный характер: одни охватывают все стихотворение, другие – одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других – сюжетную ситуацию и т. д. В “перепевах” могут быть иногда элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения, разрушая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является, как указано выше, достаточно широкая известность используемого источника. Но смех направлен не против литературного источника “перепева”, а против объекта сатиры (2, с. 216).

Решение стоящей перед нами задачи требует в качестве предварительного условия, во-первых, уяснения теоретико-литературной природы перепевов и, во-вторых, получения сколько-нибудь определенного представления о том, в каком контексте следует рассматривать перепевы Курочкина, т.е. о судьбе этой жанровой модификации в творчестве его предшественников и современников. И то, и другое в нашей науке разработано слабо. Ни «Литературная энциклопедия», вышедшая в 30-х гг. прошлого века, ни «Краткая литературная энциклопедия» термин «перепев» не поясняют. Не удалось его найти ни в одном из словарей литературоведческих терминов.

Непривычность употребления этого термина выявилась и в том, что и сам И.Г.Ямпольский, и большинство других авторов заключают его в неуверенные кавычки. Пожалуй, самое весомое, чем мы сегодня располагаем, это глава «Пути и перепутья перепева» в «Книге о пародии В.И. Новикова (4). Но и сказанное в ней требует некоторых уточнений. Особенно размытой является граница между пародией и перепевом для интересующей нас эпохи, на что специально указал выдающийся советский филолог М.Л. Гаспаров.

В статье «Пародия» он пишет: «Осмеяние может сосредоточиться как на стиле, так и на тематике – высмеиваются как заштампованные, отставшие от жизни приемы поэзии, так и пошлые, недостойные поэзии явления действительности; разделить то и другое иногда очень трудно (напр. в рус. юмористич. поэзии 1850 – 60-х гг., обличавшей действительность с помощью «перепевов» из А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) (3, с. 268). Напомним и о том, что само греческое слово «parōdia» означает перепев.

Мы привели последнее, можно сказать, итоговое суждение И.Г. Ямпольского о перепевах, но он ввел этот термин в оборот значительно раньше, сначала в издании «Поэты “Искры”», вышедшем в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1939 г., а затем в 1947 – во вступительной статье к подготовленному им собранию стихотворений Курочкина. Само это слово, отсутствующее в словаре В.И.Даля, пояснено в словаре под ред. Л.Н.Ушакова в его бытовом значении: «Повторение одного и того же, уже сказанного или написанного ранее». Но как литературоведческий термин оно было, по-видимому, впервые использовано именно Ямпольским и именно в связи со стихами Курочкина.

Позднее к его анализу обратился В.И. Новиков, уделивший ему главу «Пути и перепутья перепева» в своей «Книге о пародии» (4) и используя это слово уже без кавычек как прочно вошедшее в обиход. Здесь высказаны ценные суждения, которые должны быть в полной мере учтены при работе с конкретным художественным материалом: «Наличие контраста между “высоким” и “низким”, между поэзией используемого образца и прозаичностью избираемого нового сюжета – необходимое и вместе с тем достаточное условие существования перепева» (4, с. 290). И далее: «Перепев – это не совсем пародия, но отчасти все-таки пародия. Точнее говоря – гибридное, двужанровое образование, синтез сатирического памфлета, фельетона или эпиграммы, с одной стороны, и пародии – с другой» (4, с. 304).

Первые образцы перепевов можно видеть уже в поэзии начала XIX века. Несомненным, типологически чистым образцом перепева было, например, стихотворение Батюшкова «Певец в Беседе славянолюбцев», написанное в 1813 г., т.е. через год после публикации завоевавшего огромную популярность стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов», которое в нем «перепевалось». Странно было бы даже допустить мысль, что такой преданный друг и сподвижник Жуковского, как Батюшков, стал бы его пародировать. Он использовал строфику, ритмический строй, отдельные выражения и целые строки патриотического произведения Жуковского для создания язвительного

памфлета, направленного против А.С.Шишкова и его «Беседы любителей русского слова».

Но поистине золотой век перепева наступил во второй половине 50-х – 60-х гг. XIX века. Общественно-политический подъем, который пережила тогда Россия, смягчение цензурного гнета привели к оживлению сатирической журналистики, боровшейся с реакцией и мракобесием путем использования самых разных жанровых форм, в том числе перепева, ставшего излюбленной формой журнальной полемики, в частности на страницах двух самых смелых и прогрессивных сатирических изданий того времени – «Свистка», который издавал Добролюбов в качестве приложения к журналу «Современник», и «Искры», душой которой был Курочкин.

Замечательные образцы перепевов оставили Н.А.Добролюбов и Н.П.Огарев, соратники Курочкина по «Искре» П.И. Вейнберг и Н.Л. Ломан. Много и успешно работал в этом жанре Д.Д. Минаев. Были стихи, которые особенно охотно эксплуатировались в качестве материала для перепевов, например «Казачья колыбельная песня» Лермонтова, «Шепот. Робкое дыханье» Фета. Последнее стихотворение особенно часто упоминалось в полемике, развернувшейся в 1850-гг., его представляли как характерный пример «чистого искусства», ухода от социальной действительности. Авторам таких суждений блестяще ответил Ф.М. Достоевский в статье «Г. - бов и вопрос об искусстве».

Такой была атмосфера, в которой создавал свои перепевы Курочкин. В количественном отношении их относительно немного, но они выполнены с таким мастерством и так ярко характеризуют его общественные и эстетические позиции, что без специального их анализа наше представление о Курочкине страдало бы существенной неполнотой. В 1860 г. Курочкин пишет стихотворение «Явление гласности». Оно было направлено против журналиста С.С. Громеки, написавшего несколько статей о произволе полиции, о взяточничестве и пр. Ратуя за ничем не ограниченную гласность, он на деле ограничивался мелочными нападками, не затрагивая по-настоящему важных проблем. К тому же виновники якобы разоблачаемых безобразий не назывались поименно, а вместо этого печатались только первые буквы фамилий или принятые в математике символы: X, Y, Z. «Разоблачительную» деятельность Громека не без успеха совмещал с погоней за деньгами и жизненным комфортом, участвовал в деятельности Русского общества пароходства и торговли и редактировал издававшийся им «Листок».

Основой для своего перепева Курочкин избрал стихотворение Баратынского «Истина» – философское раздумье о коренных проблемах бытия, о мучительных поисках истины. Оно начинается строками:

О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я

В пустыне бытия (5, с. 72).

И вот перед ним предстала Истина, которая призывала его отказаться от ближних и друзей, от прелестей бытия и вместо этого обещает облить его душу хладом и дать ей покой. Но поэт отвечает отказом:

Нет, я не твой! В твоей науке строгой
Я счастья не найду... (5, с. 73)

И вот как «перепел» прославленную элегию. Курочкин:

О гласности болея и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию, ее не нахожу я
В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
Хоть предо мной
И обличен в печати Н. кварталный,
М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет, –
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
Икс, Игрек, Зет (1, с. 46-47).

Далее журналист-обличитель повествует о том, как он «стал акционером», «сошелся с миллионером» – «и продал я искупленную славу / Златым тельцам». Когда ему, как некогда Баратынскому, явилась Истина, он «завопил, Ударясь в пол руками

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,
Но этот зов
Был, как десерт обеденный, набором
Красивых слов (1, с. 49).

Тогда же написано стихотворение «В ресторане», уже первый стих которого: «Прихожу один я к Доминику» не оставляет сомнения, что перед нами перепев стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». По дошедшему до нас свидетельству современника П.В. Быкова, Курочкин «Лермонтова обожал» (6, с. 124). Несмотря на это, а может быть, именно поэтому перепевы лермонтовских произведений появляются у него особенно часто. Для осмеяния реакционного писателя и публициста В.И. Аскочевского, редактора журнала «Домашняя беседа», использовано стихотворение Лермонтова «Есть речи – значенье».

Есть речи, – значенье
 Нелепо и ложно,
 Но им без волненья
 Внимать невозможно.

В них мрак ретроградства,
 Миазмы цинизма,
 Шипенье злорадства
 Дошли до лиризма (1, с. 90-91).

В стихотворении «Бедовому критику» обыграны интонации лермонтовского «Спора». «В минуту жизни трудную» – этой лермонтовской строкой начинается стихотворение Курочкина. И в другом стихотворении – «Размышление Андрея Ивановича Крона над веткою кукельвана» видим хорошо знакомые строки:

Скажи мне, ветка кукельвана,
 Где ты росла, где ты цвела... (1, с.114)

Стихотворение Лермонтова «Не верь себе» кончается строфой:

Поверь: для них смешон твой плач и твой укор
 С твоим напевом заученным
 Как разрумяненный трагический актер,
 Махающий мечом картонным (7, с. 123).

Курочкин превратил ее в эпиграмму на М.Н. Каткова:

Поверь, для всех смешон шпионский твой задор,
 С твоим доносом заученным,
 Как разрумяненный трагический актер,
 Махающий мечом картонным (1, с. 246)

Известно, что П.А. Вяземский был одним из ближайших друзей Пушкина, великий поэт его уважал и любил, считался с его мнением. Известно и то, что в 1820 – 1830-х гг. он стоял на прогрессивных позициях, за ним закрепилось прозвище «декабриста без декабря», он не скрывал своего враждебного отношения к властям, презрительно называя их «петербургским правительством», с которым у него не может быть ничего общего. Симпатию к Вяземскому и даже восхищение им Пушкин выразил в стихотворении «К портрету Вяземского»:

Судьба свои дары явить желала в нем,
 В счастливом баловне соединив ошибкой
 Богатство, знатный род – с возвышенным умом
 И простодушие с язвительной улыбкой (8, т. 2, с. 149)

Но проживший долгую жизнь Вяземский не сумел сохранить верность идеалам своей молодости. Он перешел на реакционные позиции, согласился стать товарищем министра, а его стихи были наполнены старческим брюзжанием против всех прогрессивных деятелей и веяний своего времени. Курочкин превратил пушкинский дифирамб в эпиграмму, которую назвал «Эпитафия Бавию». Эпитафии, как известно, пишут покойникам, а Вяземский в 1861 г. был жив. Но в этом названии была заложена ирония: поэт хотел сказать, что для передовых современников тот Вяземский, к которому обращался Пушкин, уже мертв. Не будет преувеличением сказать, что этот перепев – один из шедевров Курочкина:

Судьба весь юмор свой явить решила в нем,
 Забавно совместив ничтожество с чинами,
 Морщины старика с младенческим умом
 И спесь боярскую с холопскими стихами (1, с. 96).

Не менее язвительны и другие перепевы пушкинских стихотворений, которые мы видим у Курочкина. В 1862 г. он поместил в третьем номере «Искры» целый цикл перепевов, озаглавленный «Казацкие стихотворения». В первом из них была использована баллада Жуковского «Ахилл», а в остальных четырех стихи Пушкина. Одним из главных объектов критики в этих стихах стал известный и пользовавшийся в свое время немалым авторитетом историк, теоретик государства и права и публицист Б.Н.Чичерин. В конце 1850-х гг. он придерживался либерально-западнического направления и заявлял о себе как один из идеологов умеренного либерализма. Одно время он даже сотрудничал с Герценом, печатался в «Голосах из России», пытался повлиять на деятельность Вольной Русской типографии, но дело завершилось разрывом и решительным размежеванием между демократизмом и либерализмом.

В начале 1860-х гг. Чичерин заявил о себе как решительный противник революционно-демократического лагеря, поборник «разумного охранительства», во время студенческих волнений 1861 г. требовал наведения порядка путем усиления репрессий. Все это нашло отражение в серии статей, напечатанных в газете Н.Ф. Павлова «Наше время», на которые Курочкин откликнулся насмешливым, насквозь ироническим перепевом знаменитого стихотворения Пушкина «В крови горит огонь желанья»:

На «Наше время» упованья
 Я возложил: в нем мысль ясна.

Читай его. Его сказанья
 Суть слаще мирра и вина.
 Его прогресс не скор, но верен.
 В нем наложил на каждый лист
 Свою печать Борис Чичерин,
 Медоточивый публицист.
 Склонись к нему душою нежной
 И ты почиешь безмятежно,
 И не разгонит даже «День»
 В твоём уме ночную тень (1, с. 116).

Газета «День», которую редактировал один из видных идеологов славянофильства И.С. Аксаков, также была одним из постоянных объектов насмешек «Искры». Несмотря на некоторую оппозиционность, присущую славянофилам, требования свободы печати, отмены смертной казни и т.п., «День» смыкался с наиболее реакционными кругами в нападках на «нигилистов», обвиняя их в поджигательстве во время петербургских пожаров. При этом споры, которые славянофильский «День» вел с западником Чичериным, были призваны лишь вуалировать действительную близость их позиций. Здесь Курочкину пригодилось стихотворение Пушкина «Если жизнь тебя обманет»:

Если «День» тебя обманет,
 Не печалься, не сердись.
 С «Днем» ненастным примиришь,
 «День» хороший, верь, настанет.
 Сердце в будущем живет;
 Только в тех днях будь уверен,
 На которые Чичерин
 Или Павлов восстает (1, с. 116).

Но своей высшей точки язвительность Курочкина достигает в последнем, пятом перепеве, сделанном по двустистию Пушкина «На перевод Илиады». Напомним, что перевод «Илиады», плод многолетнего, подвижнического труда Н.И. Гнедича Пушкин расценивал как событие огромного значения. Заметка, напечатанная им по этому поводу в «Литературной газете», начиналась словами: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады!». Это был в его глазах не только «исключительный труд», но и «высокий подвиг» (8. т. 11, с.88). Тем же восхищением пронизано и написанное спустя два года стихотворение «Гнедичу» («С Гомером долго ты беседовал один»). Но, может быть, с наибольшей силой его чувства воплотились именно в двустистии, о котором

идет речь и в котором Пушкин, вероятно, с целью полноты слияния с предметом, использовал гекзаметр:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой»(8, т.2, с. 256).

И вот во что превратил это Курочкин:

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи –
Старца Булгарина тень чую смущенной душой (1, с. 117).

В.И.Новиков сопроводил эти строки таким комментарием: «Сравнение с умершим за три года до того доносчиком Фаддеем Булгариным никому не было по вкусу. А поскольку Булгарин снискал себе позорное имя нападками на Пушкина и его единомышленников, то апелляция к пушкинскому двустипию создавала дополнительный эффект» (4, с. 203).

Думается, что рассмотренные перепевы Курочкина проливают необходимый свет на его идеологические и эстетические позиции, позволяют правильнее и разностороннее представить себе своеобразие его творческого облика и поэтического мастерства. Вместе с тем они способны уточнить сложившееся в науке представление о жанре перепевов, который пока остается малоизученным. Предметом самостоятельного изучения должны стать, на наш взгляд, так сказать, «микротрепевы» – отдельные строки из произведений других поэтов, которые в измененном и приспособленном к контексту виде входили в сатирические стихотворения Курочкина.

Литература

1. Курочкин В.С. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1947
2. Ямпольский И.Г. Середина века: Очерки о русской поэзии 1840-1870 гг. Л.: Худ. лит., 1974
3. Литературный энциклопедический словарь. М: Сов. энциклопедия, 1987
4. Новиков В.И. Книга о пародии. М. Сов. писатель, 1989
5. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Спб., 2000
6. Быков П.В. Силуэты далекого прошлого. М.;Л., 1930
7. Лермонтов М.Ю. Сочинения в шести томах., т. 2, М.;Л.: Изд. АН СССР, 1954
8. Пушкин. Полн. собр. соч., В 16-ти тт., М.;Л.: Изд. АН СССР, 1937-1949

Анотація

Гришанова Ю.В. «Переспіви як жанр поезії В.С. Курочкіна».

Дана стаття присвячене переспівам як жанру поезії, який займає далеко не останнє місце у творчості В.С. Курочкіна. Курочкін не намагався наслідувати або пародіювати, він створював комічний ефект, який був спрямований проти об'єкта сатири. За час своєї творчої діяльності, основою своїх переспівів Курочкін обрав вірші таких відомих поетів як Пушкін, Лермонтов, Баратинський та інші. Поетичний досвід Курочкіна, методи сатиричного викриття, його сарказм та іронія викликали безперечний інтерес у радянських письменників. Але особливу увагу щодо творчості В.С. Курочкіна звичайно ж приділяв І.Г. Ям польський, про що свідчать ціла низка його статей і публікацій.

Ключові слова: жанрова модифікація, комічний ефект, контекст, об'єкт сатири, пародія, переспів, збірка віршів, строфа, структура віршів.

Аннотация

Гришанова Ю.В. «Перепевы как жанр поэзии В.С. Курочкина».

Данная статья посвящена перепевам как жанру поэзии, который занимал далеко не последнее место в творчестве В.С. Курочкина. Курочкин не пытался подражать или пародировать, он создавал комический эффект, который был направлен против объекта сатиры. За время своей творческой деятельности, основой своих перепевов Курочкин избрал стихотворения таких известных поэтов как Пушкин, Лермонтов, Баратынский и т.д. Поэтический опыт Курочкина, методы сатирического разоблачения, его сарказм и ирония представляли несомненный интерес для советских писателей. Но особое внимание творчеству В.С. Курочкина уделял, конечно же, И.Г. Ямпольский, чему свидетельствуют ряд его статей и публикаций.

Ключевые слова: жанровая модификация, комический эффект, контекст, объект сатиры, пародия, перепев, собрание стихотворений, строфа, структура стихотворения.

Summary

Grishanova J.V. «Rehashes as a genre of V.S. Kurochkin's poetry».

The present article is dedicated to rehashes as a genre of poetry, which took an important place in Kurochkin's creative work. Kurochkin didn't try to imitate or parody, he just created a comic effect that was directed against the object of satire. During the time of his creative activity Kurochkin chose the poems of such famous writers as Pushkin, Lermontov, Baratynskiy, etc., as the basis of his rehashes. Kurochkin's poetic experience, methods of satiric disclosure, his sarcasm and irony were of obvious interest to the soviet writers. But I.G. Yampol'skiy paid, of course,

the most special attention to Kurochkin's creative work, a number of his articles and publications are indicative of this.

Key words: genre modification, comic effect, context, object of satire, parody, rehash, collection of poems, strophe, poem structure.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Фризманом Л.Г.